

Почему Повести о Петре и Февронии нет в Великих Минеях Четиих?

И.М. Рысин,

секретарь Славянского благочиния Новороссийской епархии Русской Православной Церкви, Славянск-на-Кубани, Россия, rysin1980@yandex

В статье «Почему Повести о Петре и Февронии нет в Великих Минеях Четиих?» автор доказывает ошибочность как версии Р.П. Дмитриевой, согласно которой Повесть о Петре и Февронии не была включена митрополитом Макарием в Великие Минеи Четиий из-за ее несоответствия агиографическому канону, так и двух более поздних версий, высказанных исследователями Р. Пиккио и О.В. Гладковой. Автор утверждает, что наиболее вероятной причиной отсутствия Повести о Петре и Февронии в Великих Минеях Четиий является завершение работы над ней после создания Царского списка Великих Миней Четиий.

Ключевые слова: Повесть о Петре и Февронии, Великие Минеи Четиий, Р.П. Дмитриева, Р. Пиккио, О.В. Гладкова, новый подход.

Для цитаты: Рысин И.М. Почему Повести о Петре и Февронии нет в Великих Минеях Четиий? [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №3. URL: <http://langpsy.ru/journal/2014/2/Rysin.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)
Rysin I.M. Why is the Tale of Peter and Fevronia not in Great Mineah? elektronnyj resurs «Jazik I tekst langpsy.ru», E-journal «Language and Text langpsy.ru», 2014. no. 3. Available at: <http://langpsy.ru/journal/2014/2/Rysin.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Г На первый взгляд, вопрос о том, почему Повести о Петре и Февронии (далее – Повесть) нет в Великих Минеях Четиий (далее – ВМЧ) митрополита Макария, является маловажным: хорошо известно, что замысел Владыки собрать в единый свод все духовные творения, которые были читаемы в его время на Руси, оказался не реализован. Митрополит Макарий (Булгаков) в «Истории Русской Церкви» приводит примеры творений святых и даже библейских книг, не включенных в ВМЧ [13, с. 425–428]. В этом свете отсутствие в ВМЧ Повести о Петре и Февронии, казалось бы, не представляет собой факта, требующего детального анализа. Однако, как справедливо пишет О.В. Гладкова, «Во многих академических работах и в разделах учебных пособий, посвященных Повести или Ермолаю-Еразму, часто упоминается факт невключения Повести в Великие Минеи Четиий митрополита Макария, который истолковывается как несоответствие самой повести агиографическому канону и свидетельство «неудачливости» Ермолая-Еразма» [4, с. 538].

Не представляет исключения и статья «Житийная литература» в Православной энциклопедии, в ее подразделе, озаглавленном «Восточнославянская житийная литература», автор, С.А. Семячко, предлагает однозначное объяснение факта отсутствия (мы считаем принципиальным употребление именно этого слова) Повести о Петре и Февронии в ВМЧ: «Иногда специально заказанные для ВМЧ жития отвергались свт. Макарием. Так случилось с написанным по его заказу Ермолаем (Еразмом) Житием благоверных Петра и Февронии Муромских, канонизированных Собором 1547 г.» [21, с. 309].

Продолжая мысль, С.А. Семячко раскрывает причину отвержения митрополитом Макарием Повести о Петре и Февронии: «Основанное на фольклорных материалах,

развивающееся в соответствии с сюжетными схемами волшебной змеборческой сказки и новеллистической сказки о мудрой девице, оно совершенно не вписывалось в рамки макариевской школы. Авторы житий стремились подражать Пахомию Логофету, а чаще делали прямые заимствования из его сочинений. Однако применение эмоционального стиля в кон. XV–XVI в. в отличие от выработанного стиля кон. XIV – нач. XV в. сильно формализовано, лит. этикет крайне усложнен. Созданный в XVI в. стиль «второго монументализма» был «искусственно напыщенным, наполненным риторическими формулами и эклектичен (Дмитриева. 1993. С. 213)» [21, с. 309].

Обзор историографии Повести показывает, что исследователи не всегда ставили акцент на том, что произведения нет в ВМЧ. Так, ни впервые опубликовавший Повесть Н.И. Костомаров [15], ни А.Н. Попов [18], ни И. Шляпкин [28] не упоминают об этом факте, авторы первых посвященных Повести исследовательских работ Ф.И. Буслаев [2] и А.Н. Веселовский [3] также не касаются рассматриваемого нами вопроса. Создатель фундаментального агиографического труда В.О. Ключевский [12, с. 287], равно как и митрополит Макарий (Булгаков) [13, с. 434], отмечают низкое, по их мнению, качество Повести, но не анализируют причины ее отсутствия в ВМЧ. В некотором смысле исключением может служить митрополит Макарий (Булгаков), писавший о том, почему в ВМЧ нет житий святых, прославленных на Соборе 1547 года в качестве местночтимых [13, с. 433–434]. Его точка зрения будет немного подробнее раскрыта ниже. Среди достаточно интересных размышлений о Повести, принадлежащих митрополиту Филарету (Гумилевскому) [26, с. 114], опять-таки нет места интересующему нас вопросу.

После 1917 года ситуация меняется: наряду с авторами, не комментировавшими отсутствие Повести в ВМЧ, такими как В.Ф. Ржига [19], Ю.А. Яворский [29], А.А. Зимин [10], М.Б. Плеханова [17], Ю.Г. Фелелова [25] и др., появляются ученые, отмечающие в своих работах, что митрополит Макарий сознательно не включил Повесть в ВМЧ из-за ее несоответствия агиографическому канону: М.О. Скрипиль [22, с. 133], Н.С. Демкова [5, с. 89], А.А. Шайкин [27, с. 338], Т.Р. Руди [20, с. 244], А.Н. Ужанков [24, с. 370] и др. Наиболее подробно и обстоятельно эта точка зрения представлена в трудах Р.П. Дмитриевой: в академическом издании Повести о Петре и Февронии [7, с. 101, 117], в Словаре книжников и книжности Древней Руси [8, с. 221, 224], в статье, посвященной агиографической школе митрополита Макария [9, с. 213], анализ которых мы предлагаем ниже.

Изучение работ Р.П. Дмитриевой позволяет увидеть, что ее точка зрения складывается из нескольких тезисов:

1. Ермолай-Еразм приехал из Пскова в Москву в конце 40-х гг. XVI века.
2. Митрополит Макарий поручил создать Ермолаю-Еразму житие благоверных Петра и Февронии.
3. Ермолай-Еразм создал Повесть о Петре и Февронии не позже 1552 года.
4. Хорошо образованный автор, писавший житие по поручению архиерея, создал текст, совершенно не отвечающий требованиям к произведениям житийного жанра.
5. Митрополит Макарий не включил в ВМЧ созданную Ермолаем-Еразмом Повесть и, надо думать, не дал ему возможности исправить свое творение.

Рассмотрим последовательно каждый из них.

1. По мысли автора, «на Е.-Е. как писателя обратили внимание в 1546 г., когда он находился в Пскове» [8, с. 220]. Кто именно обратил внимание: государь Иван Грозный, посетивший в том году Псков, царский книжничий Кир-Софроний, адресат одного из посланий Ермолая-Еразма, или другой приближенный к царю человек – Р.П. Дмитриева не поясняет.

Далее исследователь уверенно пишет о том, что Ермолай-Еразм переехал в Москву, этот поступок «надо скорее всего связывать с привлечением к нему внимания как к образованному писателю» [8, с. 221].

Заметим, что о времени пребывания Ермолая-Еразма в Москве почти ничего не известно, принято считать, что упомянутый в Никоновской летописи под 1555 годом Ермолай, который был «среди лиц, участвовавших вместе с митрополитом Макарием при поставлении Гурия епископом Казанским: «протопоп Спасской з дворца Ермолай» (ПСРЛ. СПб., 1904, т. 13, с. 250)». [8, с. 220], и есть книжник Ермолай-Еразм. Никаких других точных данных в распоряжении историков нет. В таком случае однозначно можно утверждать лишь то, что он переехал из Пскова в Москву между 1546 и 1555 годом

Р.П. Дмитриева, не называя точно сроки, дает понять, что переезд Ермолая-Еразма в Москву произошел в 40-х гг. XVI века: «В это время как раз под руководством митрополита Макария особенно интенсивно работал большой круг церковных писателей по созданию жизнеописаний русских святых» [8, с. 221]). Получается следующая последовательность событий: в Москве идет работа над созданием жизнеописаний, примерно в это время царь посещает Псков, где один из его приближенных знакомится с хорошо образованным Ермолаем-Еразмом; талант Ермолая-Еразма оценивают по достоинству, он переезжает в Москву и получает задание (поручение) от митрополита Макария создать житие канонизированных на Соборе 1547 г. благоверных Петра и Февронии. «Макарий, по всей видимости, привлек этой работе и Е.-Е. По поручению его Е.-Е. было написано по крайней мере три произведения. В своем «Молении к царю» Е.-Е. сообщает: «благословением превеликаго всея России архиерея, Макария митрополита, составих три вещи от древних драги» (Шляпкин. Ермолай Прегрешный новый писатель эпохи Грозного, с. 566)» [8, с. 221].

Указание на прибытие Ермолая-Еразма в Москву в сороковые годы XVI века позволяет Р.П. Дмитриевой почти однозначно заявить тезис 3 (о создании Повести до окончания Успенского списка ВМЧ, а затем при помощи тезиса 2 (о том, что Повесть была написана именно по поручению митрополита Макария) тезис 4 (о том, что митрополит Макарий не включил Повесть в ВМЧ): написанное по непосредственному поручению архиерея произведение не могло не войти в ВМЧ по какой-либо случайности – это было сознательное решение митрополита Макария.

Таким образом, датировка прибытия Ермолая-Еразма в Москву именно концом 40-х годов принципиально важна для обоснования положения о том, что митрополит Макарий не включил Повесть в ВМЧ, однако при этом Р.П. Дмитриева никак не поясняет свою позицию. Логика автора угадывается: автор Повести должен был работать вместе с другими книжниками макарьевского круга над созданием житий святых, канонизированных на Соборе 1547 года, в частности над житием благоверных Петра и Февронии. Но если бы это было так, то макарьевские книжники создали бы в конце сороковых жития и остальных святых, канонизированных к местному почитанию на Соборе 1547 года, между тем нет никаких результатов этой неизбежно предполагаемой деятельности, ничего неизвестно и о подобном поручении со стороны митрополита Макария.

В работе А.А. Зиминой, А.Л. Хорошкевич «Россия времен Ивана Грозного» называется другая дата приезда Ермолая-Еразма в Москву – начало 50-х годов [11, с. 48]. Авторы также не поясняют, на чем основаны их расчеты.

Тем не менее мы считаем позицию А.А. Зиминой, А.Л. Хорошкевич верной, так как она позволяет, мы покажем это ниже, избежать ряда алогизмов, которых не лишена позиция Р.П. Дмитриевой.

2. В процитированном выше фрагменте из [8, с. 221], где Р.П. Дмитриева ссылается на труд Шляпкина, любопытно то, что модальность некоторой неуверенности, присутствующая в

первом предложении приведенного нами фрагмента, уже в следующем предложении исчезает, несмотря на то, что никаких доводов, позволяющих оставить сомнение, автор не приводит. Слова Ермолая-Еразма из «Моления к царю» вырываются Р.П. Дмитриевой из контекста путем отсечения начальной фразы, и таким образом особенно тщательно подчеркивается благословение, которое дал митрополит на создание трех неназванных в «Молении к царю» произведений, которое потом, в авторском тексте Р.П. Дмитриевой, легко превращается в поручение. Но в древнерусском языке слово «благословение» отнюдь не было семантически тождественно слову «поручение», означав «разрешение», соизволение» [23, с. 217], а это значит, что Ермолай-Еразм мог, действительно, писать Повесть по поручению митрополита Макария, однако мог также писать и по своей инициативе, но получив перед началом работы благословение архиерея. К тому же в житиях Саввы Сторожевского и Александра Свирского применительно к митрополиту Макарию употреблено слово «повелением».

Прочитываем от начала рассматриваемое предложение: «Убо не собою есмь, но божиим промыслом и (нами выделен отсутствующий в цитате у Р.П. Дмитриевой отрезок. – И. Р.) благословением превеликаго всея России архиерея, Макария митрополита, составих три вещи от древних драги...». Ермолай-Еразм, защищаясь от тех, кто создавал ему перед царем репутацию «позорна и бесна» [7, с. 327], говорит о том, что созданные им тексты – они стали в какой-то степени камнем преткновения [7, с. 327] – были написаны им не самостоятельно и не самовольно, но благодаря Богу и благословию митрополита Макария, а это ставит под сомнение тезис Р.П. Дмитриевой о том, что митрополит Макарий отверг Повесть о Петре и Февронии: если бы это произошло, информировать царя о том, что Повесть написана по непосредственному поручению митрополита, было бы совершенно незачем (по поручению митрополита была начата работа, но ее результат Макария не удовлетворил, следовательно, апеллировать к его авторитету при неудачно выполненной работе дерзко и неразумно, еще более неразумно и дерзко было бы заявлять при этом, что Повесть написана «божиим промыслом» и что как Повесть, так и другие два произведения «тления в себе не требуют, иже убо ненавидящим и ругающимся многим, яко огненное оружие явитца» [7, с. 327].

Таким образом, независимо от того, давал ли митрополит Макарий непосредственное поручение Ермолаю-Еразму написать житие благоверных Петра и Февронии или нет, крайне маловероятно, чтобы автор-священник в ситуации, когда правящий архиерей остался недоволен его работой, написал царю послание, содержащее процитированные выше слова.

3. В исследовательской литературе нам ни разу не приходилось встречать точную дату создания Повести о Петре и Февронии. Это легко объяснимо, так как достоверных сведений о датах жизни и творчества Ермолая-Еразма, к сожалению, очень мало. А.А. Зимин считал, что Повесть создана в конце сороковых годов, так «она возникла в связи с канонизационными соборами 1547 и 1549 гг., а по своему идейному содержанию близка к Правительнице, написанной в 1549 г.» [10, с. 120]. Аргументацию ученого нельзя считать убедительной: житие канонизированных в 1547 году благоверных Петра и Февронии вполне могло быть написано и в 50-е годы, как, например, житие канонизированных на том же соборе муромского князя Константина и его сыновей. Идейная близость Повести с Правительницей, датировка которой не является однозначно доказанной, опять же вполне возможна и при написании Повести в начале 50-х годов XVI века, так как у нас нет сведений об эволюции общественных взглядов Ермолая-Еразма в период 40–50-х гг. XVI века. В рассуждениях Р.П. Дмитриевой указывается другая вежа, позволяющая приблизительно датировать Повесть: «Она (Повесть о Петре и Февронии. – И. Р.) безусловно была уже написана ко времени составления Успенского списка Четий-Миней, но Макарий не включил в него эту Повесть» [7, с. 117]. На чем основано такое безапелляционное утверждение, автор не поясняет. Двумя страницами ранее Р.П. Дмитриевой приводится палеографическое заключение: «По водяным знакам рукопись Ермолая-Еразма датируется серединой XVI в., не позднее начала 60-х годов (сфера в нескольких вариантах, рука маленькая с короной, рука средней величины со звездочкой или цветком, тиара, кораблик)» [7,

с. 115].

Ничего, что ограничивало бы срок создания Повести 1552 годом, здесь не говорится, а следовательно, тезис Р.П. Дмитриевой о создании Повести до 1552 года (возьмем крайнюю временную точку работы митрополита Макария над составлением Успенского списка), доказанным не является. В то же время, если принять версию о том, что Повесть была создана до 1552 года, придется согласиться с тем, что митрополит Макарий не включил ее в ВМЧ, а это влечет за собой ряд несообразностей, часть которых уже была проанализирована нами выше. Об остальных речь пойдет далее.

4. Наиболее уязвимыми для критики в концепции Р.П. Дмитриевой являются, на наш взгляд, ее рассуждения о причинах творческой неудачи Ермолая-Еразма: «На Е.-Е. оказало такое большое влияние народное предание о муромском князе и его жене, что он, хорошо образованный церковный писатель, перед которым была поставлена цель дать жизнеописание святых, создал произведение, далекое по существу от житийного жанра. Этот факт выглядит особенно поразительным на фоне той житийной литературы, которая в это же время создавалась в писательском кругу митрополита Макария, к которому, собственно, принадлежал и Е.-Е. Повесть о Петре и Февронии резко отличается от житий, написанных в это время и включенных в ВМЧ, она стоит одиноко на их фоне и ничего не имеет общего с их стилем» [8, с. 223–224].

Соглашаясь с исследователем в том, что Повесть «резко отличается» от житий, написанных в середине XVI века, мы не можем считать бесспорным ее утверждение о том, что Повесть далека от житийного жанра. Точка зрения Р. Пиккио, показавшего в [16], что Повесть – произведение агиографическое и именно как агиографическое оно воспринималось в XVI веке, представляется нам лучше аргументированной.

Интересно, однако, что и сама Р.П. Дмитриева утверждала следующее: «Оба произведения (Повесть о Петре и Февронии и Повесть о рязанском епископе Василии. – И. Р.) получили распространение в середине XVI в. в связи с канонизацией муромских святых на соборе 1547 г. Повесть о Петре и Февронии была признана житием канонизированных на этом соборе князя Петра и его супруги Февронии (выделено нами. – И. Р.)» [7, с. 79].

Если Повесть была признана житием, то на каких основаниях митрополит Макарий не включил бы ее в ВМЧ? Налицо противоречие в рассуждениях уважаемого исследователя.

Р.П. Дмитриева не поясняет, как именно повлияло на образованного писателя народное предание, поэтому остается предположить, что Ермолаю-Еразму настолько понравилась услышанная история, причем рассказанная от ему от начала до конца как законченное произведение, что он отказался отредактировать его в соответствии с требованиями, предъявлявшимися митрополитом Макарием.

Но написание Ермолаем-Еразмом богословского предисловия к Повести и хвалебного послесловия – «агиографического обрамления», по выражению Р. Пиккио говорит, скорее, об ином: не о беспомощности перед материалом, не об очарованности народным преданием – но о принципиальной авторской позиции, которая, как мы можем предполагать, не была осуждена Церковью.

По крайней мере, нет никаких сведений о том, что сам Ермолай-Еразм или его произведение подвергались Церковью какому-либо осуждению. Напротив, как замечает О.В. Гладкова, «наличие такого (свыше 350. – И. Р.) количества сохранившихся к нашему времени списков уже само по себе уникально и свидетельствует о необычайной популярности и востребованности Повести, в том числе, а может быть, и в первую очередь, в церковном обиходе» [4, с. 562]. К тому же «она (Повесть. – И. Р.) читалась в церкви во время службы, о чем свидетельствует внесение пояснений в некоторые рукописи Повести, разделяющие ее текст в соответствии с течением службы (см. об этом: Фефелова Ю.Г. Указ. соч. С. 479-481)» [4, с. 562].

5. Из всего вышесказанного мы делаем вывод о том, что Р.П. Дмитриева не приводит достаточное количество сильных аргументов, подтверждающих невключение митрополитом Макарием Повести в ВМЧ. Последним доводом против дискутируемой нами точки зрения можно считать тот факт, что, как пишет сама Р.П. Дмитриева, включенную в Соловецкий сборник и отправленную без изменений к царю рукопись Ермолай-Еразм больше не изменял [7, с. 117]. Чем это может объясняться? Ермолай-Еразм, даже после решения митрополита Макария не включать Повесть в ВМЧ, свято верил в то, что созданный им текст богоугоден и лишен недостатков, предлагал царю тоже убедиться в этом, писал о Боге как защитнике своей правоты и при этом подспудно обвинял митрополита Макария в том, что он отклонил благословенный им труд? У нас нет оснований подозревать «смирненного мниха Иеразма» в таком поведении. Митрополит Макарий до такой степени был разочарован, что не дал возможности ни Ермолаю-Еразму внести изменения в свою работу, ни другому автору отредактировать в нужном ключе Повесть, а кроме того, не поручил написать житие благоверных Петра и Феврония (других вариантов жития, кроме проложного, созданного на основе Повести, написано не было) кому-нибудь из уже проверенных агиографов?

Этот вариант ответа также выглядит крайне маловероятным, если вспомнить, к примеру, что житие благоверного Александра Невского, созданное намного раньше канонизации князя, подвергалось изменениям по велению митрополита Макария. И такой пример не единичен. Факт участия в 1555 году Ермолая-Еразма вместе с митрополитом Макарием в епископской хиротонии, помимо уже упоминавшейся исключительной популярности Повести, говорит о том, что Ермолай-Еразм вряд ли был подвергнут опале со стороны священноначалия.

Таким образом, мнение Р.П. Дмитриевой о причине отсутствия Повести в ВМЧ мы считаем не лишенным очень серьезных недостатков, а следовательно, являющимся не более чем неудачной гипотезой.

Рассмотрев точку зрения Р.П. Дмитриевой, скажем кратко о еще двух вариантах ответа на вопрос о том, почему Повести о Петре и Февронии нет в Великих Минях Четиях, принадлежащих упоминавшимся нами исследователям Р. Пиккио и О.В. Гладковой.

Известный итальянский славист Р. Пиккио обозначает свою позицию следующим образом: «Облекшись во Христа, князь Петр уже не мог отвергать чужеземку, поскольку написано, что «несть ни эллина, ни иудея», то есть ни Муромца, ни Рязани; он не мог отвергать человека низкого происхождения, не принадлежащего, как он, к господствующему классу, поскольку написано: «несть раба, ни свободного»; и он не мог считать себя свободным от обязательств по отношению к женщине, поскольку написано: «несть ни мужеского пола, ни женскаго». Вероятно, такого рода христианский эгалитаризм мог вызвать смущение среди церковных и светских сановников в обществе, основанном на крепостном рабстве. Это вполне может быть одной из причин, по которым «Повесть» была отвергнута митрополитом Макарием и его кругом» [16, с. 685, 686].

Трудно принять эту точку зрения как верную. Если руководствоваться предложенной Р. Пиккио логикой, то не только «Повесть», но и Послание апостола Павла к галатам, и все творения Святых Отцов, и даже Евангелие должны были быть отвергнуты русской элитой времен Ивана Грозного. Но поскольку Слово Божие, вызывая, думается, и смущение, и страх, и покаяние, и многие другие чувства как у представителей высших слоев общества, так и у простых людей, жило в России в XVI веке, не подвергаясь преследованиям, версия Р. Пиккио не может рассматриваться нами как убедительная.

О.В. Гладкова причиной невключения Повести в ВМЧ считает то, что благоверные Петр и Феврония были канонизированы как местночтимые святые: «На самом деле, следует принимать во внимание тот факт, что, несмотря на давнее сложившееся почитание в самом Муроме, Петр и Феврония были канонизированы только как местночтимые святые на Соборе

1547 г., созванном по инициативе митрополита Макария. Местным почитанием, вероятно, и можно объяснить отсутствие «Повести»-жития в Великих Минеях Четиях» [4, с. 538]. Предположение, на наш взгляд, вполне логично и обоснованно: действительно в ВМЧ нет жития ни одного из девяти святых, прославленных Собором 1547 г. к местному почитанию. К тому же эта точка зрения в определенной степени защищается и митрополитом Макарием (Булгаковым): «Что же касается девяти святых, которым Собор 1547 г. положил праздновать лишь местно, то составление или только пересмотр житий их, равно как и служб им, по всей вероятности, были предоставлены самим местным церквам и обителям, где покоились святые. По крайней мере, ни одно из этих житий не занесено митрополитом в его Чети-Минеи, следовательно, не было им рассмотрено или одобрено, хотя два из них — житие святого Арсения, епископа Тверского, и житие святого Максима юродивого тогда, как можно догадываться, уже существовали{342}. Два другие жития, именно святых Устюжских — Прокопия юродивого и Иоанна юродивого{[174*]}, действительно, составлены по местному распоряжению местным грамотеем» [13, с. 433–434]. Однако рассматриваемую точку зрения мы все же не разделяем: во-первых, в ВМЧ есть житие угодника Божьего, канонизированного только в 1579 году, то есть уже после смерти митрополита Макария, – преподобного Иосифа Волоцкого, а значит, прославление к местному почитанию само по себе необязательно становилось препятствием для включения жития в ВМЧ; во-вторых, по словам Р.П. Дмитриевой, в ВМЧ было включено множество житий местночтимых святых: «В условиях сложной политической жизни Русского государства того времени Макарий не отступил от главной идеи как можно шире представить пантеон чтимых святых, включив значительное число местночтимых святых» [9, с. 208]. В то же время мы разделяем предположение митрополита Макария (Булгакова) о том, что создание житий местночтимых святых было поручено священству тех мест, где прославились святые, иначе трудно объяснить тот факт, что авторы макарьевского круга не написали до 1552 года житие ни одного из святых, прославленных в 1547 г. к местному почитанию.

Наконец предложим свое объяснение, заметив перед этим, что в ВМЧ нет не только Повести о Петре и Февронии, но и остальных творений Ермолая-Еразма. Повесть о епископе Василии, как известно, была использована «после значительной переделки» [20, с. 244] для создания Жития князя Константина Муромского. Однако сам по себе указанный факт не может служить надежным доказательством того, что Повесть о епископе Василии отсутствует в ВМЧ именно по этой причине. Помня о том, что даже читавшиеся на Руси творения Святых Отцов отнюдь не все были включены в ВМЧ, найти ответ о причинах отсутствия в ВМЧ нежитийных творений Ермолая-Еразма представляется практически невозможным.

Живший в Пскове образованный книжник Ермолай-Еразм, вполне вероятно, был замечен людьми из окружения царя. В начале 50-х годов он поселяется в Москве. По своей инициативе или по инициативе митрополита Макария Ермолай-Еразм начинает работу над созданием жития благоверных Петра и Февронии. Непосредственным поводом послужила, на наш взгляд, действительно канонизация благоверных Петра и Февронии но только не к местному почитанию (1547), а к общероссийскому (предположительно 1553 [1, с. 359]). Возможно, впрочем, если справедливо предположение митрополита Макария (Булгакова), и другое объяснение. Написание житий святых, прославленных в 1547 к местному почитанию, было поручено местному священству, однако спустя несколько лет после проведения Собора житие святых Петра и Февронии создано не было. Приехавший в Москву в начале 50-х гг. образованный священник Ермолай получил благословение митрополита Макария на создание жития или же сам предложил начать работу и встретил одобрение. Нет противоречия и в совмещении обеих гипотез: до общероссийского прославления жития создано не было, и именно эта канонизация стала непосредственным поводом для его создания.

Отсюда можно предположить что, начата Повесть была в 1553 году и закончена в 1554 году, а именно после завершения Царского списка ВМЧ, и поэтому естественно не могла быть

включена в него. В этом же, то есть в 1554, или в следующем году Ермолай-Еразм столкнулся с недоброжелательством со стороны каких-то влиятельных людей, которые, прочитав, а может, и не прочитав некоторые его творения, донесли о нем царю как о духовно нездоровом человеке («нарекоша позорна и бесна»). Очевидно, личность столичного священника была хорошо известна Ивану Грозному, он, вероятно, выразил желание самолично ознакомиться с тем, что написал Ермолай-Еразм. Можно предполагать, что к тому времени Повесть Ермолая-Еразма, как и другие посланные царю «вещи», уже получили одобрение митрополита Макария, иначе трудно объяснить и абсолютную уверенность Ермолая-Еразма в том, что его труды не могут послужить против его репутации, и упоминание митрополита Макария как человека, давшего благословение на создание этих трудов. Скорее всего, царь к присланным сочинениям отнесся благосклонно, так как Ермолай-Еразм в 1555 служил в столичном соборе. К работе над Повестью он больше не возвращался: одобрение как церковного, так и светского руководства было получено, а сам он не сомневался в богоугодности своих творений, и на Руси постепенно начали появляться многочисленные списки Повести о Петре и Февронии.

Заметим также, что в ВМЧ нет не только Повести о Петре и Февронии, но и остальных творений Ермолая-Еразма. Повесть о епископе Василии, как известно, была использована «после значительной переделки» [20, с. 244] для создания Жития князя Константина Муромского. Однако сам по себе этот факт не может служить надежным доказательством того, что Повесть о епископе Василии отсутствует в ВМЧ именно по этой причине. Помня о том, что даже читавшиеся на Руси творения Святых Отцов отнюдь не все были включены в ВМЧ, найти ответ о причинах отсутствия в ВМЧ творений Ермолая-Еразма представляется практически невозможным.

В заключение скажем немного о судьбе Повести в минейной традиции после митрополита Макария. Повесть о Петре и Февронии была включена в Годуновские и Милютинские минеи (в археографическом обзоре списков Повести о Петре и Февронии, выполненном Р.П. Дмитриевой, это соответственно списки: ГИМ, собр. Чудовского монастыря, № 315, в лист. Миней четьи, написанные в 1600 г., за июнь и ГИМ, собр. Синодальное, № 806, в 4-ку, середина XVII века. Милютинские четьи минеи). Однако ее нет в Четьях-Минеях священника Германа Тулупова и святителя Димитрия Ростовского. Ответы на вопросы, почему Повести нет в Четьях-Минеях священника Германа Тулупова (в которых нет, впрочем, и ряда других житий русских святых) и почему святитель Димитрий ограничился в своем труде ссылкой на проложное житие, никак не использовав Повесть, требуют отдельного исследования. В этой статье мы считаем необходимым ограничиться попыткой ответить на вопрос, почему Повести нет в ВМЧ.

Литература

1. *Андроник (Трубачёв), игум.* Канонизация святых в Русской православной церкви // Православная энциклопедия. Том: Русская православная церковь / Общ. ред. Алексей II. М.: Церковно-научный центр "Православная энциклопедия", 2000.
2. *Буслаев Ф.И.* Песни древней Эдды о Зигурде и муромская легенда // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 269–300.
3. *Веселовский А.Н.* Новые отношения муромской легенды о Петре и Февронии и сага о Рагнаре Лодброке // ЖМНП. 1871. Т. 4. Отд. 2. С. 95–142.

4. *Гладкова О.В.* К вопросу об источниках и символическом подтексте «Повести от жития Петра и Февронии» Ермолая-Еразма // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 13 / Отв. ред. Д.С. Менделеева. М.: Знак, 2008.
5. *Демкова Н.С.* К интерпретации «Повести о Петре и Февронии»: «Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма как притча // Демкова Н.С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997.
6. *Дмитриева Р.П.* Повесть о рязанском епископе Василии в ее отношении к Повести о Петре и Февронии // Повесть о Петре и Февронии / Подготовка текстов и исследование Р.П. Дмитриевой. Л.: Наука, 1979.
7. *Дмитриева Р.П.* Ермолай Еразм – автор Повести о Петре и Февронии // Повесть о Петре и Февронии / Подготовка текстов и исследование Р.П. Дмитриевой. Л.: Наука, 1979.
8. *Дмитриева Р.П.* Ермолай-Еразм // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. А–К / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988.
9. *Дмитриева Р.П.* Агиографическая школа митрополита Макария (на примере некоторых житий) // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. — Т. 48.
10. *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.
11. *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного / Отв. ред. член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1982. – 185 с. – (Из истории нашей Родины).
12. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
13. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.
14. *Моление к царю* // Повесть о Петре и Февронии / Подготовка текстов и исследование Р.П. Дмитриевой. Л.: Наука, 1979.
15. *Памятники старинной русской литературы* / Под ред. Н. Костомарова. Вып. 1. СПб., 1860.
16. *Пиккио Р.* Агиографическое обрамление древнерусской повести о князе Петре Муромском и мудрой деже Февронии // Пиккио Риккардо. Slavia Orthodoxa:

Литература и язык / Отв ред. Н.Н. Запольская, В.В. Калугин; ред. М.М. Сокольская. М. : Знак, 2003.

17. *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб. : Акрополь, 1995. – 336 с.
18. *Попов А.* Библиографические материалы. VIII. Книга Еразма о святой троице // Чтения ОИДР. – 1880. – Кн. IV.
19. *Ржига В.Ф.* Литературная деятельность Ермолая-Еразма // ЛЗАК. Т. 33. –Л., 1926.
20. *Руди Т.Р.* О первом авторском сборнике Ермолая-Еразма из библиотеки Соловецкого монастыря // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН; Отв. ред. О.В. Панченко. СПб.: Наука, 2010. – 599 с.
21. *Семячко С.А.* Восточнославянская житийная литература // Православная энциклопедия. Т. XIX: Ефесеям послание – Зверев. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008.
22. *Скрипиль М.О.* Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к рус. сказке // ТОДРЛ. – 1949. – Т. 7.
23. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–Б). М.: Издательство «Наука», 1975.
24. *Ужанков А.Н.* Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций: Монография. М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2011. – 512 с.
25. *Фефелова Ю.Г.* Повесть о Петре и Февронии в контексте традиционной обрядовой практики // Русская агиография. Исследования, публикации, полемика. – СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2005. – 788 с.
26. *Филарет.* Русские святые, чтимые всею церковью или местно. [Июнь]. – Чернигов, 1863.
27. *Шайкин А.А.* Новелла и житие (Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии Муромских») // Шайкин А.А. Поэтика и история. На материале памятников русской литературы XI–XVI веков. – М., 2005.
28. *Шляпкин И.* Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного // С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911.
29. *Яворский Ю.А.* К вопросу о лит. деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI-го в. // Slavia. Praha, 1930. Roč. 9. Č. 1, Č. 2.

Why is the Tale of Peter and Fevronia not in Great Mineah Cetii?

I.M. Krysin,

*The Secretary Slavic deanery Novorossiysk diocese of the Russian Orthodox Church,
Slavyansk-on-Kuban, Russia, rysin1980@yandex.ru*

In this article "Why is the Tale of Peter and Fevronia not in Great Mineah Cetii?" the author proves the fallacy as version R.P. Dmitrieva, according to which the Tale of Peter and Fevronia was not included Metropolitan Macarius the Great Menaion, Cetii because of its inconsistencies hagiographic the Canon, and the two later made by researchers P. Picky and O.V. Gladkova.

Key words: The tale of Peter and Fevronia, the Great Menaion, Cetii, R.P. Dmitriev, P. Piccio, O.V. Gladkova, a new approach.

References

1. Andronik (Trubachjov), igum. Kanonizacija svjatyh v Russkoj pravoslavnoj cerkvi // Pravoslavnaja jenciklopedija. Tom: Russkaja pravoslavnaja cerkov' / Obshh. red. Aleksij II. M.: Cerkovno-nauchnyj centr "Pravoslavnaja jenciklopedija", 2000.
2. Buslaev F.I. Pesni drevnej Jedly o Zigurde i muromskaja legenda // Buslaev F.I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. SPb., 1861. T. 1. S. 269–300.
3. Veselovskij A.N. Novye otnoshenija muromskoj legendy o Petre i Fevronii i saga o Ragnare Lodbroke // ZhMNP. 1871. T. 4. Otd. 2. S. 95–142.
4. Gladkova O.V. K voprosu ob istochnikah i simvolicheskom podtekste «Povesti ot zhitija Petra i Fevronii» Ermolaja-Erazma // Germenevtika drevnerusskoj literatury. Sb. 13 / Otv. red. D.S. Mendeleeva. M.: Znak, 2008.
5. Demkova N.S. K interpretacii «Povesti o Petre i Fevronii»: «Povest' o Petre i Fevronii» Ermolaja-Erazma kak pritcha // Demkova N.S. Srednevekovaja russkaja literatura: Pojetika, interpretacii, istochniki. SPb., 1997.
6. Dmitrieva R.P. Povest' o rjazanskom episkope Vasilii v ee otnoshenii k Povesti o Petre i Fevronii // Povest' o Petre i Fevronii / Podgotovka tekstov i issledovanie R.P. Dmitrievoj. L.: Nauka, 1979.
7. Dmitrieva R.P. Ermolaj Erazm – avtor Povesti o Petre i Fevronii // Povest' o Petre i Fevronii / Podgotovka tekstov i issledovanie R.P. Dmitrievoj. L.: Nauka, 1979.
8. Dmitrieva R.P. Ermolaj-Erazm // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. 2 (vtoraja polovina XIV–XVI v.). Ch. 1. A–K / Otv. red. D.S. Lihachev. L., 1988.
9. Dmitrieva R.P. Agiograficheskaja shkola mitropolita Makarija (na primere nekotoryh zhitij) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom); Otv. red. D.S. Lihachev. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1993. — T. 48.
10. Zimin A.A. I.S. Peresvetov i ego sovremenniki. Ocherki po istorii russkoj obshhestvenno-politicheskoj mysli serediny XVI v. M., 1958.

11. Zimin A.A., Horoshkevich A.L. Rossiya vremeni Ivana Groznogo / Otv. red. chlen-korr. AN SSSR V.T. Pashuto. M.: Nauka, 1982. – 185 s. – (Iz istorii nashej Rodiny).
12. Kljuchevskij V.O. Drevnerusskie zhitija svjatyh kak istoricheskij istochnik. M., 1871.
13. Makarij (Bulgakov), mitropolit Moskovskij i Kolomenskij. Istorija Russkoj Cerkvi. Kn. 4. Ch. 1. M.: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrja, 1996.
14. Molenie k carju // Povest' o Petre i Fevronii / Podgotovka tekstov i issledovanie R.P. Dmitrievoj. L.: Nauka, 1979.
15. Pamjatniki starinnoj russkoj literatury / Pod red. N. Kostomarov. Vyp. 1. SPb., 1860.
16. Pikkio R. Agiograficheskoe obramlenie drevnerusskoj povesti o knjaze Petre Muromskom i mudroj deve Fevronii // Pikkio Rikkardo. Slavia Orthodoxa: Literatura i jazyk / Otv red. N.N. Zapol'skaja, V.V. Kalugin; red. M.M. Sokol'skaja. M. : Znak, 2003.
17. Pljuhanova M.B. Sjuzhety i simvoly Moskovskogo carstva. SPb. : Akropol', 1995. – 336 s.
18. Popov A. Bibliograficheskie materialy. VIII. Kniga Erazma o svjatoj troice // Chtenija OADR. – 1880. – Kn. IV.
19. Rzhiga V.F. Literaturnaja dejatel'nost' Ermolaja-Erazma // LZAK. T. 33. –L., 1926.
20. Rudi T.R. O pervom avtorskom sbornike Ermolaja-Erazma iz biblioteki Soloveckogo monastyrja // Knizhnye centry Drevnej Rusi: Knizhnoe nasledie Soloveckogo monastyrja / In-t rus. lit. (Pushkin. Dom) RAN; Otv. red. O.V. Panchenko. SPb.: Nauka, 2010. – 599 s.
21. Semjachko S.A. Vostochnoslavjanskaja zhitijnaja literatura // Pravoslavnaja jenciklopedija. T. XIX: Efesjanam poslanie – Zverev. – M.: Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaja jenciklopedija», 2008.
22. Skripil' M.O. Povest' o Petre i Fevronii Muromskih v ee otnoshenii k rus. skazke // TODRL. – 1949. – T. 7.
23. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. Vyp. 1 (A–B). M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1975.
24. Uzhankov A.N. Istoricheskaja pojetika drevnerusskoj slovesnosti. Genezis literaturnyh formacij: Monografija. M.: Izdatel'stvo Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo, 2011. – 512 s.
25. Fefelova Ju.G. Povest' o Petre i Fevronii v kontekste tradicionnoj obrjadovoj praktiki // Russkaja agiografija. Issledovanija, publikacii, polemika. – SPb.: Izdatel'stvo «Dmitrij Bulanin», 2005. – 788 s.
26. Filaret. Russkie svjatye, chtimye vseju cerkov'ju ili mestno. [Ijun']. – Chernigov, 1863.
27. Shajkin A.A. Novella i zhitie (Fol'klornye tradicii v «Povesti o Petre i Fevronii Muromskih») // Shajkin A.A. Pojetika i istorija. Na materiale pamjatnikov russkoj literatury XI–XVI vekov. – M., 2005.
28. Shljapkin I. Ermolaj Pregreshnyj, novyj pisatel' jepohi Groznogo // S. F. Platonovu ucheniki, druž'ja i pochitateli. SPb., 1911.
29. Javorskij Ju.A. K voprosu o lit. dejatel'nosti Ermolaja-Erazma, pisatelja XVI-go v. // Slavia. Praha, 1930. Roč. 9. Č. 1, Č 2.